

3. Мансуза А.Д. О составе фонем дунганского языка (К вопросу о статусе твердых и мягких согласных). - В сб.: Исследования звуковой и семантической структуры языка. Фрунзе, Изд. "Илим", 1975.
4. ʹ - знак, служащий для обозначения своеобразного дунганского гласного, передающегося на письме сочетанием любой гласной буквы с буквой р.
5. Знак ~ служит для обозначения назализованных гласных.
6. Бодуэн де Куртене И.А. Резья и резьяне. - В сб.: Славянский сборник. Т. III. СПб, 1876.
7. Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., Изд. МГУ, 1956.
8. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Зиндер Л.Р. Акустические характеристики безударности. - В сб.: Структурная типология языков. М., "Наука", 1966.

DER DUNGANISCHE AKZENT BEIM RUSSISCHSPRECHEN

A. Mansusa (Frunze)

Zusammenfassung

Der vorliegende Aufsatz gehört dem Bereiche der Sprachkontakte an. Seinem Wesen nach fußt er sowohl auf den persönlichen Beobachtungsangaben des Verfassers, als auch auf einer vergleichend-etymologischen Analyse der dunganischen und russischen phonetischen Systeme. Indes werden unter Anführung des nötigen Faktenmaterials die markantesten Wesenszüge des sogen. dunganischen Akzents sowohl in der Aussprache der russischen Vokal- und Konsonantverbindungen, als auch beim Aneignen der russischen Betonung erläutert. An dem Aufsatz werden insbesondere diejenigen interessiert sein, die sich mit den Akzentproblemen und der damit verbundenen (gegebenenfalls dunganisch-russischen) Zweisprachigkeit befassen. Denjenigen aber, die sich mit dem Unterricht der russischen Sprache an Dunganen abgeben, wird der Aufsatz zweifelsohne praktische Hilfe erweisen.

"ГАО СЭН ЧЖУАНЬ" В СВЕТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

М.Е. Ермаков (Ленинград)

В собственно китайскую, т.е. представленную китайскими авторами часть буддийского свода Китайской Трипитаки 大藏經, вошли среди прочих четыре крупных биографических сочинения. Это "Гао сэн чжуань" / 高僧傳, Жизнеописания достойных монахов / - сочинение начала VI в., "Сюй гао сэн чжуань" / 續高僧傳, Продолжение жизнеописаний достойных монахов / - сочинение VII в., "Сун гао сэн чжуань" / 宋高僧傳, Сунские жизнеописания достойных монахов / - от второй половины X в. и "Дамин гао сэн чжуань" / 大明高僧傳, Великоминские жизнеописания достойных монахов / - XVII в. Все перечисленные сочинения объединены в китайской традиции под общим названием "Сы чао гао сэн чжуань" / 四朝高僧傳, Жизнеописания достойных монахов четырех династий / . Они содержат биографии в общей сложности более 1500 исторических лиц. Событие, описанное в них первым, относится к 67 г. н.э. и последнее - к 1644 г.

Наибольший интерес в этом литературном ряду представляют "Гао сэн чжуань" Хуй-цзяо 慧皎 / 496-556 /, поскольку по их образцу составлялись все остальные сочинения. Здесь собраны сведения по раннему китайскому буддизму с 67 г.н.э. по 519 г. Более пятисот биографий этого крупного по объему и емкого по содержанию буддийского свода распределены по десяти разделам: "Переводчики", "Проповедники", "Толкователи" и др. В сочинение вошли также авторское предисловие, письмо первого критика "Гао сэн чжуань" Ван Мань-ина 王曼穎 к Хуй-цзяо и ответ последнего и, наконец, включенная при последующем редактировании биография автора.

Являясь в определенной степени компиляцией, "Гао сэн чжуань" вообразил в себя наиболее существенное из созданного до них в китайской буддийской историографической литературе, и исследование этого сочинения является т.о. ключом, первой ступенью к раскрытию более широкой темы - буддийские жизнеописания в китайской литературе.

Из "Гао сэн чуань", изобилующих именами исторических деятелей, географическими названиями, датами и т.д., современная синология заимствует большую часть сведений по истории раннего китайского буддизма. Если к тому же иметь в виду, что многие из этих сведений подтверждаются только более поздними сообщениями, или больше нигде не освидетельствованы, то становится ясной необходимость выявления степени доверия к "Гао сэн чуань", как к историческому источнику. Вынести окончательное суждение по этому, как и по ряду других вопросов, возможно только на материале литературного анализа, т.е. путем выяснения того, что представляют из себя "Гао сэн чуань" как литературный памятник.

Представить сочинение Хуй-цзяо таким образом вовсе не будет актом произвола по отношению к нему. В силу объективных причин, т.е. благодаря тому, что китайская историография отделилась от художественной прозы позднее¹, и причин субъективных, под которыми мы понимаем несомненный художественный талант автора, "Гао сэн чуань" предстант письменным памятником с высокими литературными достоинствами. Мера этих достоинств была хорошо известна буддийским критикам, вполне осознается современными исследователями, один из которых называл сочинение Хуй-цзяо "шедевром в прозе периода Шести династий"².

Необходимой частью предпринимаемых нами изысканий предполагается сопоставление "Гао сэн чуань" с другими параллельно существовавшими литературными явлениями. Провести такое сопоставление предусматривается на трех последовательных уровнях, а именно: 1. "Гао сэн чуань" и европейская литературная традиция. 2. "Гао сэн чуань" и официальная китайская историография³. 3. "Гао сэн чуань" и буддийская биография

¹ В теории китайской литературы такое выделение прослеживается достаточно четко начиная с VIII в., о чем свидетельствуют суждения танского ученого Лю Чжи-цзи /661-722/, зафиксированные в его трактате "Ши тун".

² См. A. F. Wright. Biography and hagiography, Hui-chiao's Lives of eminent monks. - Silver Jubilee volume of the Zumbun-Kagaku-Kenkyusyo, Kyoto, 1954, p. 383.

³ Частично такое сопоставление уже проведено нами. См. Ермаков. Биография Кумарадживы в "Гао сэн чуань" и ее версия в официальной китайской историографии. - IX научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч. I. М., 1978, с. 137-141.

начала VI в.⁴ Что касается настоящей статьи, то здесь мы ставили задачу попытаться установить на первом уровне сопоставления приблизительные контуры китайского литературного памятника.

Как и любое сочинение, вошедшее в Китайскую Трипитаку, "Гао сэн чуань" заключают в себе глубокий шикет к учению Будды, проникнуты духом его доктрин. В письме к Ван Мань-иу Хуй-цзяо пишет: "По части распространения Учения нет в буддизме тех, кто превзошел достойных монахов. Питаясь их усилиями, со временем засиял завещанный закон. Век от века да восторжествуют выдающиеся заслуги и образцы благочестивого поведения! Все это и побудило меня упорядочить записи, должным образом обобщить их и связать воедино"⁵. Основной просчет предшествующей буддийской историографии Хуй-цзяо усматривает в том, что "замечательные примеры образцового поведения часто или опускаются или подвергаются сокращению"⁶ и "Гао сэн чуань" призваны по его замыслу этот просчет устранить.

Сходное назидательное предназначение было и у представляющей европейскую литературу агиографии.⁷ Агиография обращается к той же биографической форме повествования с непре-

⁴ Провести сопоставление на этом уровне позволяет то счастливое обстоятельство, что помимо "Гао сэн чуань" от начала VI в. до нас дошло еще одно буддийское сочинение "Чу Саньцзян цзи цзи" /山三藏記集. Собрание сведений о переводах Трипитаки Сэн-ю 僧祐 445-518/, со-

держащее биографический раздел. Хуй-цзяо упоминает это сочинение в качестве одного из основных источников для "Гао сэн чуань". См. Тайсё синсё Дайдзюкё (Заново составленная Трипитака гг. Тайсё). Токио, тт. I-85, 1960-64, т. 50, с. - Далее в тексте статьи: Трипитака Тайсё.

⁵ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 422 в.

⁶ См. там же.

⁷ "Прочтите мне жизнеописание и другим братьям, - обращается к монахам архиепископ александрийский Афанасий, автор жития св. Антония - древнейшего образца агиографической литературы, - и пусть убедятся, что господь и спаситель наш Иисус Христос прославляет прославляющих его и служащих ему до конца не только вводит в небесное царствие, но и здесь, сколько бы ни утаивались и ни старались пребывать в уединении, соделывают повсюду известными и славными, ради добродетели их и ради пользы других". См. Творения святых отцов. Т. 21. М., 1853, с. 284.

менным описанием жизни героя от рождения до смерти. Здесь обязательными являются рассказы о чудесах, которые можно усмотреть и в некоторых биографиях из сочинения Хуй-цзяо. Наконец, сходство может показаться полным, если учесть, что в отдельных биографиях из китайского сочинения встречаются те же "сюжетные штампы", что и в европейской агиографической литературе: чудесное рождение, раннее благочестие, предсказание устами знаменитого подвижника славной будущности героя.

И все же настаивать на полном сходстве, даже в порядке предварительного суждения, было бы неправильным. По-видимому, вопрос должен быть поставлен следующим образом: были ли созданы в китайском буддизме образцы биографической литературы, соотносимые с биографической христианской литературой или, другими словами, насколько термин "агиография" правомерен по отношению к китайскому сочинению?

Судя по названию статьи "Биография и агиография". Жизнеописание достойных монахов "Хуй-цзяо", тот же вопрос задавал себе ее автор - американский исследователь Артур Райт. На самом же деле, в этой в целом интересной и обстоятельной статье содержится только несколько замечаний по обещанной в заглавии теме. А. Райт отмечает, что Хуй-цзяо обнаруживает в своем сочинении то же отношение к историческому материалу, что и лучшие китайские историки его дней. Далее, усматривая единственное отличие Хуй-цзяо от светских историков в его принадлежности к последователям буддийского учения, А. Райт заключает: "Все же, поскольку он ищет в истории отражение важных моральных принципов, то и стремится в "жизнеописаниях достойных монахов" продемонстрировать действие буддийских законов и могущество буддийских божеств. В этом контексте он равным образом может быть назван биографом и агиографом"⁸. Вслед за А. Райтом, но уже без каких-либо оговорок (высказывание А. Райта заключает в себе такую возможность) китайский памятник как агиографический определяют Артур Линк⁹ и Эрик Цурхер.¹⁰

⁸ См. A. W r i g h t. Op. cit., p. 389-390.

⁹ A. E. L i n k. Shih Seng-yu and his writings. - "Journal of the American Oriental Society", vol. 80, 1960, I, p. 34.

¹⁰ E. Z u r c h e r. The Buddhist conquest of China. Leiden, 1959, pp. 6, 10.

Все же позволим себе усомниться в правильности ставшей, казалось бы, общепринятой установки и попытаемся выяснить не тот ли это случай, когда определение понижается раньше, чем выявлена суть предмета.

Под термином "агиография", а равно и под житиями, понимается, как известно, жанр средневековой литературы, повествующей о жизни святых и подвижников христианства.¹¹ Исследователи давно занимают вопрос о том, насколько достоверным источником является жития. По оценке известного русского исследователя П. Безобразова, из 92 глав, составляющих житие св. Антония (один из ранних образцов греческой агиографии), "/.../" не более 10 имеют реальное содержание, и самый реализм этот очень относительный¹². Судя по высказываниям П. Безобразова относительно других житий,¹³ соотношение, выведенное им на материале отдельного текста, характерно для всей агиографической литературы в целом. Интересные наблюдения привел в своей книге о севернорусских житиях И. Яхонтов. Исходя из замеченной им закономерности, заключающейся в том, что многие жития не только в общих агиографических характеристиках, но и в конкретных описаниях повторяют более ранние образцы и друг друга, он пишет: "/.../" вся биографическая сторона этих житий может дать историку нужный материал только разве для изучения идеальных взглядов народов на подвижничество, но с этими взглядами знакомят историка и жития святых подвижников всякого другого края¹⁴. Сошлемся также

¹¹ Агиография - предмет к настоящему времени довольно благополучный и в арсенале научных представлений о ней содержится богатый набор авторитетных суждений русских ученых начала XX в. Поэтому мы считали целесообразным не привлекать для сопоставления с "Гао сэн чжуань" самих житийных текстов, но опереться на эти проверенные временем суждения.

¹² П. Б е з о б р а з о в. Древнейшие греческие жития. - "Журнал министерства народного просвещения", новая серия, т. 71, Пг., 1917, с. 150.

¹³ Приведем только некоторые из этих высказываний: "Никакого фактического материала мы в житии Симеона не находим /.../" (см. там же, с. 206); "Не заключает в себе ничего исторического небольшой рассказ об отшельнике Пимене /.../" (см. там же, с. 223); "Сказочным содержанием наполнено житие пустынницы Феоктисты /.../" (см. там же, с. 227).

¹⁴ И. Я х о н т о в. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, с. 333.

на авторитетное мнение В.О. Ключевского, который считал, что как исторический источник приобретают значение только жития, в результате литературного развития отошедшие от канонов житийного жанра¹⁵.

Не приходится сомневаться, что предав забвению агиографию, историческая наука лишилась бы многих представлений о характере подвижничества в христианстве, об отправлении христианских культов, о деталях христианского быта и т.д. И все же, что касается сообщений об определенных во времени и по месту достоверных событиях, т.е. всего того, что принято называть фактографией, то, не удовлетворив своего любопытства за счет житий, историк должен будет обратиться за этим к источникам другого рода.

Рассмотренные как исторический источник "Гао сэн чжуань" обнаруживают принципиальное отличие от житий. Даже руководствуясь самыми строгими критериями исторической критики, невозможно будет усмотреть вымысел к примеру в биографии Чжу Фо-шо 三佛朔:

"В то время жил шраман из страны Тяньчжу по имени Чжу Фо-шо. Он взял в дорогу сутру Даосин и в году правления ханьского Лин-ди /168-190/ прибыл в Лоян, где и переводил с санскрита на китайский. Тогдашние переводчики, допуская отдельные смысловые огрехи, в целом передавали (что делалось порой в ущерб стилю) глубинную суть оригинала. На втором году правления по девизом Гуан-хэ (179 г.) в Лояне Чжу Фо-шо зачитал сутру Божо саньмэй. Локакшема переложил сутру на китайский язык, и она была записана в хэнаньском Лояне Мэн Фу и Чжан Ляном"¹⁶.

Биографий, сходных с приведенной выше в "Гао сэн чжуань", большинство. Легенды, сказочные сюжеты, если и появляются, то чаще всего в биографиях, превышающих остальные своим объемом, иными словами, в "развернутых" биографиях. Все же и в такого рода биографиях реальное преобладает, остается тем главным, что сообщает автор.

Обыкновенно, каждая биография содержит определенный фактический минимум, который мог быть дополнен, если это позво-

¹⁵ В.О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

¹⁶ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 324б.

ляли сделать источники. Независимо от объема биографии, этот минимум, составляющий как бы ядро повествования, всегда один и тот же: откуда родом герой повествования, какой род деятельности избрал для себя, перечень его заслуг, дата кончины.

В приведенную схему полностью укладывается биография Тань-ди 曇帝:

"Шраман Тань-ди родом из Аньси /Бактрия/ был знатоком винай. В годы под девизом правления Чжэн-вань /254-255/ династии Вэй прибыл в Лоян. Тань-ди перевел сутру Тань уде цземо"¹⁷.

Из той же схемы исходит автор "Гао сэн чжуань" и в развернутых биографиях:

"Чжу Фо-нянь 三佛念 - уроженец Лянчжоу. Монахом он стал в юном возрасте и все его помыслы и дела были чисты и непогрешимы. Снаружи умиротворенный, изнутри просветленный, он был зеркалом проникновения в тайны Учения. Он выучил наизусть множество сутр, обозрел мало-помалу прочие писания. Более всего он преуспел в том, что касалось комментирования. С юных лет любил странствовать, повсеместно обозревал людские нравы. Семейство его проживало к западу от Хуанхэ, и он хорошо понимал тамошний язык. Не было в языке жунов и в китайском, чего он не мог бы понять. И хотя в постижении истинного смысла Учения Чжу Фо-нянь не был совершенен, благодаря обширным познаниям обрел он всемирную славу. При правителях из рода Фу в годы правления под девизом Цзянь-юань (365-344) в Чаньань прибыли Сангхабути и Дхармананди. Чжао Чжэн просил их перевести сутры"¹⁸. В те времена среди славных и добродетельных мужей не нашлось того, кто бы мог переводить писания на китайский язык и все как один указали на Чжу Фо-няня. Сангхабути зачитывал санскритский текст, а Чжу Фо-нянь передавал его по-китайски. Он придерживался простоты и избегал двусмысленности, добиваясь ясности в звучании и по смыслу. В первую луну двенадцатого года под девизом правления Цзянь-юань был приглашен Дхармананди передать сутры Цзэньи ахань и Чжун ахань. Совершенные в учении шраманы, собравшиеся в

¹⁷ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 325а.

¹⁸ О высокопоставленном чиновнике, покровителе буддизма Чжао Чжэне см. ниже биографию Дхармананди.

Чаньани, просили Чжу Фо-няня перевести эти тексты. Он до тонкости разъяснил два этих писания, на что ушло два года. В том и состоит заслуга Чжу Фо-няня, что он перевел и распорядился два этих текста. После Ань Ши-гао и Чжи Чаня никто не превзошел его как переводчика. При правителях из родов Фу и Яо он оставался патриархом переводчиков, и монахи в Гуаньчжуне все им восхищались. Чжу Фо-нянь впоследствии перевел и другие сутры: Пуса индо, Шичжу дуаньцзе, Чжуньянь и Юэтай. Стал он было приводить все в порядок, но так и не довел дела до конца. Вскоре он занемог и скончался в Чаньани. Вставшие на путь и погрязшие в мирском, те, у кого карма чиста, и те, у кого она загрязнена, — все сожалели о нем"¹⁹.

При всем различии с короткой заметкой о Тянь-ди биография Чжу Фо-няня сводится к той же приведенной нами схеме, хотя и в ее развернутом варианте.

О том, что конкретные биографические сведения мыслились Хуй-цзяо первоосновой своего сочинения, с полной очевидностью свидетельствует следующая короткая заметка:

"Жил еще шрамен Бо-янь ^Б ^Я, о происхождении которого ничего не известно. Был он умен и обладал глубокими познаниями. В годы под девизом правления Гань-лу (256-260) династии Вэй перевел сутру Улян цинцзин пиндэн цзяо и другие, всего шесть сочинений. О последующем ничего не известно"²⁰.

Если бы Хуй-цзяо не располагал реальными (хотя и отрывочными) историческими сведениями о Бо-яне, биография этого буддийского деятеля не нашла бы своего места в "Гао сэн чжуань", или, проще сказать, не состоялась бы как таковая. Китайский автор упоминал бы Бо-яня только затем, чтобы сказать, что о нем ничего не известно.

При передаче исторических сведений автор "Гао сэн чжуань" безупречен как историк, а в случае, когда материалы историков не дают достаточных оснований для окончательного вывода, приводит все известные ему версии:

"Не совпадают записи о дате смерти Кумарадживы. В одних записях говорится о седьмом годе под девизом правления Лунши (406 г.), а в других — о седьмом и одиннадцатом. Предпо-

¹⁹ См. Трипитака Тайсэ, т. 50, с. 329а, б.

²⁰ См. там же, т. 50, с. 325а.

четь седьмой год одиннадцатому было бы ошибкой, тем более, что в самих переводах Кумарадживы содержится дата — одиннадцатый год. Божь, однако, что и под ударами грома три этих летописца не пришли бы к единому мнению"²¹.

Точность фактического материала "Гао сэн чжуань" никогда не подвергалась сомнению ни в традиционной китайской историографии, ни у современных исследователей, по части раннего китайского буддизма полагающихся преимущественно на это сочинение.

В следующем пункте расхождение между агиографией и "Гао сэн чжуань" представляется не менее очевидным. В самом деле, неотъемлемым признаком агиографии, одним из тех, что выделяют её из общего литературного потока, всегда оставалось то выдержанное в хвалебных тонах отношение, которое выказал к своему герою автор. "Панегрическое отношение к герою и восхваление его добродетели /.../" — в этом П. Безобразов усматривает то заложенное еще в предшествующей биографической литературе "зерно", из которого развилась впоследствии агиография"²². Появление в житии порицания в адрес героя (во всяком случае, порицания, исходящего от автора) не могло означать ничего другого, как только самоустранения жителя как такового, переход его в новое, отличное от прежнего качество"²³.

В том, что с китайским сочинением все обстоит по-иному, убеждает нас отрывок из биографии Кумарадживы:

"Император Яо Син говаривал Кумарадживе: "Великий наставник, в Поднебесной нет равного тебе по уму и широте познаний. Если в какой-то день ты оставишь мир, то можно ли допустить, чтобы семена Закона, брошенные тобой, не имели

²¹ См. там же, т. 50, с. 333а.

²² П. Безобразов. Древнейшие ..., с. 153.

²³ Здесь, судя по всему, многое объясняется богослужебным предназначением агиографии. "Житие святого — пишет П.В. Знаменский, — само составляло принадлежность богослужения в день его памяти /.../ (П.В. Знаменский, Сергей Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII века. — "Православное обозрение", 1882, февраль, с. 300). Заметим по этому поводу, что "Гао сэн чжуань" принадлежат к китайской книжной культуре и лишены тем самым особенностей, которые присущи любой ориентированной на устное воспроизведение литературе, в т.ч. и агиографической.

преемника?". И должен был Кумараджива по настоянию императора взять к себе десять певцов. С этого времени Кумараджива оставил монастырский квартал и император особым декретом обязал казенные дома и постоянные дворы встречать его щедрыми подношениями. Каждого, кто приходил за наставлениями, Кумараджива встречал такими словами: "Слово мое подобно лотосу, что растет в вонючей грязи. Когда срываешь лотос, нужно брать его чистым". Еще в государстве Цици Кумараджива был в учениках у наставника по винаям Вималакши. И вот спустя много лет Вималакша прибыл в Гуаньчжун. Кумараджива узнал об этом, несказанно обрадовался и встретил Вималакшу как наставника. Вималакша не был осведомлен о том, к чему принудили Кумарадживу и потому спросил: "В землях Хань обрел ли ты счастливый удел? Сколько учеников под твоим руководством встали на путь Будды?". Кумараджива отвечал: "В пределах Хань было не так много сутр и винай. Новые сутры и всевозможные шастры — это по большей части то, что принесено и передано мной. Тех же, кто под моим началом приняли Закон — три тысячи. Однако карма моей был нанесен большой урон и только потому я не принял звание патриарха"²⁴.

Было бы большим преувеличением сказать, что Хуй-цзяо усомнился в величии Кумарадживы, действительно выдающегося деятеля раннего китайского буддизма, но, как выясняется, он далек и от того, чтобы умалчивать о столь несовместимых с представлением о монашеской добродетели изъянах этого величия.

В последних строках обстоятельной, выдержанной в обычных тонах биографии Дхармаяшаса, там, где китайские авторы по обыкновению помещают собственные суждения по поводу изложенного (или по китайской историографической терминологии "переданного"), Хуй-цзяо пишет следующее:

"В особой келье, за наглухо закрытой дверью сидел Дхармаяшас в позе медитации. Внезапно в этой келье появились пять-шесть каких-то шраманов. Еще принимал он шраманов, прилетавших по верхушкам деревьев. И было это часто, и было их множество. Поговаривают Дхармаяшас общался с божествами, но ведь жил он как невежда и простолюдин. Так и не снизошло на Дхармаяшаса просветление, но возвели его современники в

²⁴ См. Трипитака Тайсэ, т. 50, с. 332в.

ранг достигшего плода святости"²⁵.

Приведенный отрывок в еще большей степени убеждает нас в том, что тональность биографии в "Гао сэн чжуань" в отличие от тональности житий вовсе не однозначна, но колеблется (в зависимости от позиции автора в каждом отдельном случае) от полностью хвалебной к более сдержанной и до откровенно осуждающей.

Еще об одном существенном различии житий и буддийской биографии. "Основанием для причисления усопших подвижников к лику святых, — пишет историк церкви Е.Е. Голубинский, — служило прославление подвижников даром чудотворения или же еще при жизни /.../, или же /.../ по смерти"²⁶. Отсюда и жития обязательно должны были включать рассказы о чудесах, явленных как при жизни святого, так и после его смерти.

Напротив, рассказы о чудесах, элемент невероятного — скорее исключение в биографии из "Гао сэн чжуань", чем ее неперемнная принадлежность. Только немногие биографии из китайского памятника (не более одной пятой из общего числа) действительно включают эпизоды, расходящиеся с нашими представлениями (но не с представлениями китайского автора Ув.) о реальном. Остальные (к их числу, кстати сказать, относятся и приведенные выше биографии Бо-яня, Тань-ди, Чжу Фо-яня) — вовсе обходятся без каких-либо рассказов о чудесах. Очевидно, что рассказы о чудесах не стали здесь тем жанрообразующим признаком, каким они являются в житиях.

Укажем в заключение на одну прослеживающуюся в этой связи особенность буддийской биографии. Задолго до того, как Кумараджива в посвященной ему биографии выказывает способность предвидеть или толковать невероятные явления (что, заметим, не равно христианской способности к чудотворению) сообщается о том, что он "перечитал все содержащееся в четырех ведических собраниях, трактатах о пяти познаниях, постиг учение об Инь и Ян, а также астрологию"²⁷. Таким образом, чудесная способность героя "Гао сэн чжуань" рационально объясняется, представляет собой не акт озарения, приходит не по наитию,

²⁵ См. Трипитака Тайсэ, т. 50, с. 329в.

²⁶ Е.Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с. 40.

²⁷ См. Трипитака Тайсэ, т. 50, с. 330в.

как это бывает в китаях, а становится результатом его учено-сти.

Итак, в итоге сопоставления "Гао сэн чжуань" и китая следует сказать следующее. Мировая литература в ее национальном многообразии на определенных, не обязательно совпадающих по времени этапах своего развития создавала образцы биографий в духе определенных религиозных учений. В этом смысле можно говорить об общности китайских буддийских жизнеописаний и агниографии. В остальном контуры этих литературных явлений не совпадают. Если придерживаться точного словоупотребления, то необходимо будет признать, что термин "агниография" не распространяется на биографическую литературу китайского буддизма. Если верно древнее утверждение о том, что всякое уподобление хромает, то верно также и то, что уподобление "Гао сэн чжуань" китаям хромает на обе ноги²⁸.

²⁸ Традиция китайской биографии, в т.ч. биография буддийской, восходит к "Жизнеописаниям" - одному из разделов "Исторических записок" Сыма Цяня (145?-87? гг. до н.э.). Будет поэтому уместным ко всему изложенному по части "Гао сэн чжуань" и агниографии приобщить наше частное мнение по поводу отдельных суждений исследователя "Жизнеописаний" Л.Е. Померанцевой. Осуществленные Л.Е. Померанцевой изыскания поэтических мотивов в "Жизнеописаниях" представляются вполне правомерными, а уровень их исполнения - образцовым. Возражение вызывает разве что окончательный вывод, а именно: "Жизнеописания" есть синкретический жанр, содержащий в себе элементы исторического, биографического и поэтического повествования при главенстве последнего". (Л.Е. Померанцева в "Жизнеописаниях" Сыма Цяня: история, биография, автобиография? - "Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока". Тезисы и доклады восьмой научной конференции, II, М., 1978, с. 139). Биографическая тема, как мы выяснили, действительно может быть изложена двояко: в форме исторического повествования (такого рода биографии содержатся в "Гао сэн чжуань") и повествования поэтического (такие биографии представлены в частности, китаями). Само собой, в реальности историческая биография, как и любое литературное явление, не существует изолированно, но включает в себя и отдельные поэтические элементы. Говоря же о преобладании поэтических элементов в биографии, мы тем самым исключаем её из разряда историографий. В нашем случае это означает только, что Сыма Цянь предстает в своих "Жизнеописаниях" не историком, но поэтом, использующим исторические сюжеты. Не считая себя вправе выносить категорическое суждение на этот счет, ограничимся предположением, что изыскание исторического элемента в "Жизнеописаниях", выявив его несомненное преобладание, позволило восстановить определенного в поэты Сыма Цяня в его правах великого китайского историка.

Сопоставление "Гао сэн чжуань" и агниографии (точнее сказать сопоставление, перешедшее затем в противопоставление) позволило установить только немногие литературные признаки китайского памятника. За счет привлечения других образцов европейской литературы, попытаемся расширить набор таких признаков.

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что первый и самый обширный из разделов китайского памятника - раздел "Переводчики сутр" отличается от остальных тем, что помимо биографий исторических лиц (в данном случае переводчиков буддийских сочинений на китайский язык), он содержит обстоятельные сведения библиографического характера: о переводах буддийских сочинений, содержании этих переводов, авторскую оценку деятельности переводчиков и т.д. Все это дает нам право считать "Гао сэн чжуань" не только биографическим, но в какой-то и библиографическим памятником. Такого рода библиографическая литература в европейской традиции представлена патрологией.

Патрология (здесь в узком смысле, т.е. как раздел христианской литературы, изучающий историю писаний отцов церкви) предстает в целом однородным, четко обозначенным литературным явлением. В ее состав входит ряд сочинений, далеко отстоящих друг от друга по времени, принадлежащих разным авторам, но имеющих общее название "De viris illustribus" (О знаменитых мужах)²⁹. Труд Иеронима (330-419) "О знаменитых мужах", написанный в 392 г., занимает ту же позицию в этом литературном ряду, имеет то же основополагающее значение, что и "Гао сэн чжуань" в собрании "Си чао гао сэн чжуань".

Сочинение Иеронима открывается предисловием (отсюда мы

²⁹ Среди последователей Иеронима значатся имена марсельского пресвитера Геннадия (ум. 500 г.) с его "О знаменитых мужах" от 480? г., а также виднейших христианских историков - Исидора, епископа севильского (ок. 570-636) и валлонского монаха Сигеберта из Жамбоду (ум. 1112). Труд Исидора увидел свет между 615 и 618 гг. под тем же названием, что и сочинение Иеронима и Геннадия. Сигеберт назвал сочинение несколько иначе "De scriptoribus ecclesiasticis" (О церковных писателях). Современный историк христианской литературы определяет историческую продолжительность традиции "О знаменитых мужах" более чем в одно тысячелетие. (J. Quaston, Patrology, vol. I-III, Utr.-Ant. 1949, p. I. Как мы уже знаем, столь же продолжительна и столь же жизнеспособна была и традиция "Гао сэн чжуань" Хуй-цзяо.

почерпнем чрезвычайно важные сведения), далее приведен именной указатель к библиографической части и вслед за этим — 135 библиографических глав. Главы следуют одна за другой с учетом исторической последовательности событий:³⁰ первая рассказывает об апостоле Петре (ум. не позже 68 г.), последняя посвящена Иеронимом собственной писательской деятельности.

В первых строках своего предисловия Иероним указывает на то, что к созданию "О знаменитых мужах" его побудил Декстер Папиан, тогдашний префект претории³¹. То, что его труды поощрялись официальными властями, представлялось Иерониму важным обстоятельством и несомненно являлось таковым. Все же важно при этом иметь в виду, что как историческое и литературное явление патрология обеспечивалась вовсе не указаниями власть имущих.

Важнейшим историческим процессом, определившим появление патрологии, а в самом широком аспекте вообще христианской историографии, явилось складывание внутри христианства церковных институтов, создание крупных учреждений. Только в рамках таких крупных учреждений могла быть осознана потребность в письменной истории, достаточно полно и достоверно изложенной, только они могли кумулировать в себе первоначальные исторические записи, составляющие впоследствии материалы историографа. Вместе с тем, на вторую половину IV в. приходится оформление единой церковной организации, санкционированное на Никейском соборе 325 г. — процесс во многом подготовивший взгляд на историю церкви, как на нечто единое и целое. "О знаменитых мужах" Иеронима и стали как раз одним из литературных явлений в христианстве IV в. (напомним, что к этому же периоду относятся сочинения Евсевия Памфила /ок. 260–340/, "Церковная история" и "Хроника"), обозначивших переход от устного предания, легендарной истории, разрозненных исторических записей к тому, что теперь принято называть общей историографией.

Исключая из своих намерений полностью отождествить пути

³⁰ Того же хронологического принципа придерживается в "Гао сэн чжуань" Хуй-цзяо.

³¹ Hieronimus Liber de viris inlustribus, herausgegeben von O. von Gebhardt, 1896, с. I.

развития христианской и буддийской историографии, мы, тем не менее, исходим из того, что подобно христианской патрологии, буддийский памятник "Гао сэн чжуань" обозначил переход от частной историографии к общей. Переход этот обеспечивался внутренней логикой развития буддизма и приходился на довольно четко определяемый исторический период — первые десятилетия VI в.³²

Возвращаясь к сочинению Иеронима, отметим еще одно существенное обстоятельство. Как явствует из предисловия, "О знаменитых мужах" являлись по замыслу автора ответом тем критикам (Иероним называет их поименно: Цельс, Порфирий, Юлиан), которые обвиняли христианство в "грубой простоте", в бедности письменной культуры³³.

Подобные инвективы, но уже в адрес буддизма высказывали китайские критики. В этом отношении характерно высказывание Цай Мо 蔡謨 (312–387), зафиксированное в династийной истории "Цзинь шу" (История Цзинь):

"Буддизм — варварский обычай, но не руководство из классических книг. Прежние императоры всецело опирались на Поднебесную. Множили таланты и искусства. И вот пришло время, когда рисуют изображение Будды. Между тем, что касается просвещенного в буддийском учении, то не удостоится ему в этом признание"³⁴.

Буддийская историография, в т.ч. "Гао сэн чжуань", если рассматривать их в свете приведенного высказывания, были призваны в своей сфере приблизить буддизм к китайским стандартам.

Вообще говоря, христианство и буддизм внедрялись в культурных средах в некоторых отношениях значительно более зрелых, чем те, которые их породили. Одним из направлений в первоначальном развитии обеих религий было освоение, а затем и привлечение для своих потребностей достижений соответственно греко-римской и китайской традиционных культур. На примере "Гао сэн чжуань" и "О знаменитых мужах" приходится убедиться,

³² Обоснование к такому выводу содержится в нашей предполагаемой к изданию статье "Становление буддийской историографии в Китае".

³³ См. Hieronimus Liber ..., с. 2.

³⁴ См. серия "Сы-бу бэй-яо", т. 58. Шанхай, 1936, с. 626.

что такого рода процесс происходил и в буддийской, и в христианской историографии. И европейский, и китайский автобиографы основывались на тех литературных образцах, которые были уже выработаны традиционными культурами. Иероним следовал "О знаменитых мужах" Светония Транквилла,³⁵ а "Гао сэн чжуань" явились буддийской разновидностью традиционных китайских биографий.

С тем, чтобы перевести дальнейшее сопоставление на более твердую почву, обратимся непосредственно к тексту христианского памятника. Прежде всего приведем славу об уже упомянутом нами Евсевии Памфила:³⁶

"Евсевий, епископ Кесарии Палестинской. Ученейший в божественных писаниях, он с мучеником Памфилом тщательно исследовал священные собрания. Издал бесконечные тома, из которых дошли до нас: "Доказательство в пользу евангелий" в двадцати книгах, "Приготовление к евангелию" в пятнадцати книгах, "Богоявление" в пяти книгах, "Церковная история" в десяти книгах, "Хроника" и ее сокращение, "О согласиях евангелий", "Толкование на пророка Исаию" в десяти книгах, двадцать пять книг "Против Порфирия", одна книга "Учений с доказательствами", шесть книг "В защиту Оригена", "О жизни Памфила" - три книги, "О мучениках" и комментарий на сто двадцать пять псалмов. Жил он при императорах Константине и Констанции. Был в дружбе с мучеником Памфилом и по сему прозвали его Памфил"³⁷.

Далее остановимся на одной из подробнейших биографий из сочинения Иеронима:

"Игнатий, третий после апостола Петра епископ антиохийской церкви, во времена гонений Траяна осужденный к диким зверям, был скованный отправлен в Рим. Приплыв в Смирну, где Поликарп, ученик Иоанна был епископом, написал одно письмо "К эфесянам", второе - "К магнезийцам", третье - "К тралийцам", четвертое - "К римлянам" и, выйдя оттуда, написал "К филиладельфийцам" и "К смирнцам" и лично "К Поликарпу", вверяя

³⁵ См. Hieronimus Liber ..., с. I.

³⁶ Перевод отдельных глав из сочинения Иеронима любезно предоставлен А.А. Лоскуновым.

³⁷ См. Hieronimus Liber ..., с. 43.

ему антиохийскую церковь; здесь же, сославшись на евангелие (которое я ранее перевел) дал доказательство относительно личности Христа, говоря: "Воистину, и я после воскресения увидел его во плоти и верую, что он есть; и когда он пришел к Петру и к тем, которые были с Петром, сказал им: "Вот, коснитесь меня и увидите, что я не воплощенный бес". И тотчас коснулись его и уверовали".

Но кажется достойным, раз мы упомянули о столь великом муже, сказать в немногих словах и о его письме, которое написал к римлянам: "От Сирии до Рима я сражусь с дикими зверями на море и на земле, ночью и днем, привязанный к десте леопардам, то есть воинам, которые меня стерегут, и которые, хотя и оказываешь им благодеяния, становятся хуже. Однако их незаконные - мне поучение. Но и не этим я оправдан. О, если бы я мог насладиться зверями, которые мне уготованы, и молю, чтобы они были скоры на расправу, а я был бы им хорошей приманкой; да не будет так, как было с другими мучениками, тела которых остались нетронутыми. А если не пожелают приблизиться, я привужу их пожрать меня. Простите меня, дети, что мне полезно, я знаю. Теперь становлюсь учеником, не желаю ничего глупого, а только обрести Иисуса Христа. Огонь, крест, звери, перелом костей, разделение членов, и уничтожение всего тела, и искушения дьявола да придут ко мне, только чтобы я смог насладиться Христом". И когда был брошен к зверям и слышал львиное рычание, в предвкушении мук сказал: "Я хлеб Христа, буду смолот зубами зверей, чтобы мной был обретен чистый хлеб".

Принял мученичество на одиннадцатом году правления Траяна. Останки его тела покоятся в Антиохии, в гробнице у Дафнийских ворот"³⁸.

Первое, что необходимо сказать по поводу приведенных выше глав, касается тех же пунктов, по которым сопоставлялись "Гао сэн чжуань" и агиография. Впрочем, в данном случае сопоставление не сводится к противопоставлению, поскольку:

I. В противоположность агиографам автор "О знаменитых мужах" включает в свое сочинение по преимуществу достоверный

³⁸ См. Hieronimus Liber ..., с. 17-18.

исторический материал³⁹.

2. В отличие от житий с их панегирическим отношением к герою, повествование в "О знаменитых мужах" ведется в более подходящих для историографии умеренных тонах.

3. Иероним вовсе не расположен излагать рассказы о чудесах, столь необходимые в житиях.

Остается заключить, что в своих основоположениях, сочинение Иеронима согласуется с "Гао сэн чжуань", иначе сказать, примыкает к тому же направлению в мировой письменной культуре, что и китайский памятник, а именно, к историографии.

Вместе с тем, все сказанное вовсе не означает, что за пределами отмеченного сходства, между "Гао сэн чжуань" и патрологией не существует значительных расхождений.

На примере приведенных выше глав выясняется, в частности, что автор "О знаменитых мужах" особенно обстоятелен в библиографических частях и довольно краток в биографиях деятелей церкви. Библиография как бы довлечет над остальным материалом главы, а биографическая часть является только обрамлением к ней. В китайском памятнике эти части более соразмерны. Библиография предстает здесь не так четко обозначенной, но не менее полной и обстоятельной, чем библиография в "О знаменитых мужах". Сошлемся в этой связи на биографию Дхармананди:

"Дхармананди **曇摩難提** что означает "радость Учения". Уроженец Доупюэля. С юных лет отошел от грубого и почитался за сообразительность и проникательность. Перечитывал и повторял вслух сутры, всецело посвятив себя совершенствованию кармы. Был осведомлен в Трипитаке и заучил наизусть сутру **Цзэньи ахань** и не было в ней ничего такого, что не стало достоянием его ума. И потому был он почитаем в дальних и ближних пределах своей страны. С юных лет Дхармананди отправился в далекие странствия, говорил о теле распространения учения. Пустился в путешествие, миновал пустыню и с верой в три драгоценности пришел в земли Востока. При правителях из рода Фу в годы Цзянь-мань прибыл он в Чаньань. Поскольку карма Дхармананди была совершенна, то и великолепное учение дало пышные всходы. Фу Цзянь удостоил Дхармананди почтительным ри-

³⁹ По-преимуществу, но не исключительно, поскольку, как и в случае с "Гао сэн чжуань", мы вовсе не настаиваем на том, что Иероним избежал отдельных погрешностей и был во всем объективен. (См. об этом J. Q u a s t o n, op. cit., p. I.

туалом. В срединных землях среди переведенных сутр не было "Четырех Хань". Советник Фу-Цзяня, уханьский тайшоу Чжао Чжэн вознамерился просить у него перевести эти сутры. В Гуаньчжуне в то время Мужун Чжун начал мятеж и поднял солдат на Фу Цзяня. Чжао Чжэн был ревностен в учении Будды, забывая о себе ради него. Правитель пригласил в Чаньань досточтимого Дао-аня, созвал праведных монахов и просил Дхармананди перевести сутры **Чжун ахань** и **Цзэньи ахань**, а также писания, прежде не существовавшие в переводах - **Питань синь** и **Сань фаду**. Всего это составило сто шестьдесят цзюаней. Изложенное Дхармананди перевел на китайский язык Фо-нянь, записывал Хуй-сун. С лета до весны раз за разом оттачивали они стиль и содержание, и только тогда текст был готов. К тому времени Яо Чан пустился в разбой в землях Гуаньчжуна. Народ терпел лишения. Дхармананди покинул китайские земли и возвратился в Западный край. О дальнейшем ничего не известно⁴⁰.

Биография из "Гао сэн чжуань" содержит, таким образом, довольно обстоятельные библиографические данные: из истории перевода того или иного буддийского текста (/.../ среди переведенных сутр не было "Четырех Хань"); об императорах или чиновниках - инициаторах перевода (т.е. своего рода "издателях" переводного текста); упоминание о "собственно" переводчиках и писцах, участвовавших в переводе данного буддийского сочинения;⁴¹ о том, сколь продолжительной была работа по переводу ("С лета до весны раз за разом выправляли они стиль и содержание и только тогда текст был готов") и, наконец, об объеме переводного текста ("Всего это составило сто шестьдесят цзюаней"). Впрочем, набор библиографических сведений в китайском памятнике тем самым не исчерпывается. Обыкновенно перевод датируется (иногда с точностью до дня)⁴², а в ряде

⁴⁰ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 328 б, в.

⁴¹ Судя по содержащимся в "Гао сэн чжуань" сведениям о раннем китайском буддизме, перевод буддийских сочинений был или трехступенчатым: монах-чужестранец, зачитывающий текст со списка или наизусть на языке оригинала - "собственно" переводчик, владевший устной китайской речью - секретарь, записывающий текст; или же двухступенчатым: монах-чужестранец, зачитывающий текст по-китайски (владел устной китайской речью, но не знал письменности) - секретарь.

⁴² В приведенной биографии Дхармананди такая датировка не понадобилась, поскольку с точностью до дня она приводится в самостоятельной биографии Чжу Фо-няня (см. выше

случаев Хуй-цзяо или выносит собственное суждение по поводу выполненного перевода (см. выше биографию Чжу Фо-няня), или же ссылается на мнение других критиков:

"Дао-ань отмечает: "То, что передал Кан Мэн-сян, повсеместно распространено и в переводах его есть привкус переводов Ань Сюаня и Кашьяпа Матанги"⁴³.

Вместе с тем, библиографической части в "Гао сэн чуань" сопутствует столь же подробная биографическая часть. Приходится повториться, что даже самая краткая биография в "Гао сэн чуань" содержит сведения о том, откуда родом герой повествования, когда пришел в китайские земли, об основных результатах его деятельности и о том, когда, в каком возрасте и где закончил свой жизненный путь⁴⁴.

Напротив, глава из сочинения Иеронима по части биографии чаще всего сводится к единственной записи о том, когда жил христианский деятель:

"Секст при императоре Севере написал книгу "О мучениках"⁴⁵. Или же о том, какое место он занимал в духовной иерархии:

"Понтий, дьякон Киприана. До дня мученичества Киприана, разделяя с ним изгнание, оставил том "Жизнь и мученичество Киприана"⁴⁶.

Представляется важным отметить в этой связи, что, если автор "Гао сэн чуань" достаточно полно воспроизводит данные доступных ему источников, то Иероним в отдельных случаях отсылает читателя к первоисточнику, не излагая его содержания. Так, в главе об апостоле Павле он обрывает изложение биографии следующей фразой:

"Так как в "Деяниях апостолов" наиболее полно описано его обращение в веру, я скажу только /.../⁴⁷.

биографию Чжу Фо-няня), участвовавшего в роли ассистента в переводе тех же сутр Цзэнь ахань и Чжун ахань.

⁴³ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 324в.

⁴⁴ Если автор "Гао сэн чуань" не располагает таковыми сведениями, он это, как правило, оговаривает (см. выше биографию Бояня).

⁴⁵ См. Hieronimus Liber ..., с. 31.

⁴⁶ См. там же, с. 38.

⁴⁷ См. там же, с. 9.

Относительная биографическая бедность "О знаменитых мужах" объясняется не столько вероятным отсутствием в анналах христианской истории соответствующих материалов (хотя и это обстоятельство, указывающее на некоторую слабость христианской историографии по сравнению с китайской, должно приниматься в расчет), сколько отличной от "Гао сэн чуань" предрасположенностью патрологии как исторического жанра⁴⁸.

В довершение ко всему сказанному, необходимо отдать должное "Гао сэн чуань" как библиографическому памятнику. Если в том, что касается истории перевода буддийских сочинений в Китае I-V вв., первостепеннейшим источником является сочинение Сэн-ю "Собрание сведений о переводах Трипитаки"⁴⁹, то среди ранних источников по истории "собственно" китайской, т.е. представленной китайскими авторами части Китайской Трипитаки, на одно из первых мест должно быть поставлено сочинение Хуй-цзяо. Раздел "Переводчики сутр" — только один из десяти разделов этого памятника и в остальных десяти мы по черпнем важные сведения.

⁴⁸ Патрология предрасположена, в частности, к малым литературным формам, в то время как "Гао сэн чуань" должны быть отнесены к крупным историческим сочинениям. Напомним, что "О знаменитых мужах" соотносятся только с одним из десяти разделов китайского памятника и только один этот раздел по объему превышает христианский памятник по меньшей мере в три раза.

⁴⁹ Помимо биографий переводчиков в "Собрании сведений о переводах Трипитаки" содержится свод предисловий к переводным буддийским текстам, также каталог таких текстов.